



ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НА КАСПИИ

3 октября 2007 г. состоялся *круглый стол* на тему: «Энергетическая политика России в Центральной Азии и на Каспии». Организаторами *круглого стола* выступили Центр политических исследований России и посольство Швейцарской Конфедерации в Российской Федерации¹. Свои доклады представили старший советник ПИР-Центра, генерал-лейтенант (в отставке) Г.М. Евстафьев, профессор Международного института исследования проблем мира (Осло, Норвегия) П.К. Баев, руководитель Центра изучения мировых энергетических рынков Института энергетических исследований РАН Т.А. Митрова, заместитель главного редактора газеты *Коммерсантъ* А.А. Мурсалиев, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности* Н.В. Перфильев. В ходе состоявшейся дискуссии участники обсудили ряд вопросов, касающихся энергетического измерения международных отношений в Центральной Азии (ЦА) и регионе Каспийского моря, а также интересы ключевых региональных и нерегиональных игроков и линии возможного сотрудничества и противостояния. В качестве основных игроков, помимо России и стран региона, были выделены ЕС, США и Китай².

Ниже приводим выдержки из обсуждения.

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ (ПИР-ЦЕНТР): Цели энергетической политики России заключаются в укреплении позиций страны на мировых энергетических рынках; максимально эффективной реализации экспортных возможностей отечественного топливно-энергетического комплекса (ТЭК), росте его конкурентоспособности на мировом рынке; установлении недискриминационного режима внешнеэкономической деятельности; доступности для российских энергетических компаний зарубежных рынков энергоресурсов, финансовых рынков и передовых технологий добычи и транспортировки энергетического сырья; содействию привлечению в рациональных масштабах и на взаимовыгодных условиях зарубежных инвестиций. Я бы хотел, чтобы через эту призму мы видели очень многие плюсы и минусы российской энергетической политики.

Мы все находимся в одной лодке. Но некоторые в этой лодке постоянно передвигаются и могут ее опрокинуть, пытаясь добиться наиболее выгодной для себя позиции на скамейках этой лодки, и даже свешиваются на один борт. Этого допустить нельзя, это крайне опасная ситуация.

Должны преобладать экономические факторы при проведении энергетической политики. Мы видим поведение наших эстонских соседей, которые в ущерб своим интересам не хотят участвовать в международном разделении труда по созданию Северо-Европейского газопровода (СЕГ). Это как раз нарушение всех возможных принципов оправданных экономических стандартов.



Мне бы хотелось остановиться на нескольких важных вопросах. Возможна ли в принципе *гармонизация* интересов всех участников политического и энергетического процесса в ЦА и что для этого нужно сделать на этом важнейшем пространстве? Или нас ждут соперничество, жесткая борьба за преобладающий доступ к энергетическим ресурсам, и зачастую для России с нулевым результатом?

Второй вопрос. Мы находимся в непосредственной преддверии смены политических элит в странах ЦА. 17 лет прошло, они протянут еще три-четыре года. Придут новые элиты. Это не те советские элиты, которым удалось вопреки многим разговорам удержать ЦА от кровавых потрясений, которые постигли Югославию. Но элиты, *завязанные* на Москву, уходят. России надо думать, как избежать утраты своих позиций, как можно построить отношения, особенно учитывая энергетическую сферу.

Третий вопрос. Каким образом избежать острого столкновения интересов России и Китая в этом пространстве в будущем? Сейчас существует Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), и вроде все получается. А как дальше, в перспективе? Позволит ли ШОС нам это делать долго? Я сомневаюсь. Должна ли Россия правильно оценить свои возможности в ЦА в энергетической сфере и сделать ставку на что-то другое? Это большой вопрос.

Еще один вопрос: Россия – крупнейший поставщик углеводородов. А это не возобновляемые, а уходящие ресурсы. Так ли нужно горячиться с наращиванием этих поставок в тот же Китай? Пусть поставляют в Китай, у них скоро все кончится, а у нас это будет. Нам нужно очень четко определиться с вопросами объемов и направлений поставок углеводородного сырья. Мы должны думать о своих поколениях.

Т.А. МИТРОВА (ИНСТИТУТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН): Хотелось бы рассмотреть роль Европейского Союза (ЕС) в центральноазиатском регионе исключительно с позиций газовой отрасли, без учета геополитических факторов, которые, безусловно, имеют большое значение, но являются темой отдельного исследования.

В последние десятилетия спрос на газ в ЕС устойчиво увеличивается – в среднем на 2,5% в год. При этом, поскольку собственные запасы газа и возможности добычи исчерпываются, неуклонно растет зависимость стран ЕС от импорта. Очевидно, особенно с учетом либерализации, что Сообщество в первую очередь заинтересовано в увеличении предложения газа на своем рынке – это является главным условием снижения или хотя бы стабилизации цен на этот энергоноситель в условиях конкуренции.

Второй важнейшей задачей ЕС является обеспечение надежности импортных поставок. И если прежде в основном речь шла только о расширении круга поставщиков сетевого газа и сжиженного природного газа, то после событий зим 2005/2006 и 2006/2007 гг. все более четко анонсируется другая цель – снижение зависимости от поставок из России, обеспечивающей в настоящий момент около 45% всего европейского импорта природного газа. Надежность поставок, помимо диверсификации источников, подразумевает также безопасность транспортировки и – желательное, но сложно выполнимое условие – доступ непосредственно к добыче углеводородов, что является наилучшей гарантией поставок на европейский рынок.

Все эти причины объясняют особый интерес ЕС к странам ЦА, который возник фактически сразу после распада СССР и с тех пор только усиливается по мере нарастания озабоченности ЕС вопросами энергобезопасности и импорта газа. Дело в том, что возникновение самостоятельных государств на постсоветском пространстве привело к резкому усилению роли газовой промышленности в ЦА. В настоящее время газ, пожалуй, – главный приз в борьбе за этот регион. По данным Статистического обзора мировой энергетики 2006 *British Petroleum (BP)*, здесь добывается всего 5% газа в мире, да и доказанные запасы газа составляют всего около 4,7% мировых. Тем не менее географическое расположение этих запасов в центре Евразии, относительная дешевизна добычи (по сравнению с месторождениями Ямала и российского шельфа), а также воз-

возможность использовать этот газ в качестве альтернативы поставкам из России делают его чрезвычайно привлекательным для многочисленных заинтересованных сторон.

Оценки экспортного потенциала региона существенно разнятся. Институт энергетических исследований РАН на основании доступных данных полагает, что можно говорить о возможности поставок от 80 до 210 млрд м³ из ЦА к 2020 г. в зависимости от сценария развития инвестиционного климата и добычи газа в регионе.

В идеале наиболее привлекательным вариантом для Европы было бы подписание Россией Договора к Энергетической Хартии (ДЭХ) и Транзитного протокола, которые не только позволили бы европейским компаниям добывать газ в Центральной Азии, но и гарантировали его транзит по существующим, наиболее коротким и дешевым маршрутам (через систему магистральных газопроводов Средняя Азия–Центр в Россию и затем – транзитом через Украину в ЕС). Однако многочисленные жесткие заявления России о неприемлемости ДЭХ в ее современной редакции делают такой исход маловероятным.

Менее привлекательный, но все же довольно интересный вариант для ЕС – это строительство альтернативного газопровода, нацеленного на Европу, в обход России. Успешная реализация такого проекта означала бы снижение зависимости от импорта из России, прямые поставки газа в ЕС без транзита по российской территории и более благоприятные условия доступа европейских компаний к разработке ресурсов Прикаспия. Этот вариант также обсуждается давно и зафиксирован во многих документах Евросоюза, в том числе – в Зеленой книге ЕС и в планах программы ИНОГЕЙТ (Международная транспортировка нефти и газа в Европу).

Рассмотрю подробнее проекты из ЦА, поддерживаемые ЕС. Вообще говоря, это, скорее, один основной проект – Набукко и два связанных проекта, обеспечивающих его подпитку газом, – Транскаспийский газопровод (ТКГ), обеспечивающий поставку центральноазиатского газа в Азербайджан, и Южно-Кавказский газопровод (ЮКГ), доставляющий этот газ из Азербайджана в Турцию.

Первое. ТКГ для поставок центральноазиатского газа с шельфа Каспийского моря в Турцию. Предполагалось, что газопровод подключится к активно продвигавшемуся США ЮКГ из Азербайджана в Турцию «Баку–Тбилиси–Эрзурум» мощностью 8 млрд м³, который был пущен в самом конце 2006 г. Проект ТКГ крайне важен для Казахстана, стремящегося выйти на европейские рынки, минуя Россию. Туркменистан по традиции рассматривает этот проект скорее как способ давления на Россию в переговорах по ценам.

Противоречия между Туркменистаном и Азербайджаном, неясные перспективы добычи газа на азербайджанском Шах-Денизе и, соответственно, неясный объем свободных мощностей в газопровode препятствуют реализации проекта ТКГ. Усугубляют ситуацию политическая нестабильность на Кавказе и неурегулированность вопроса о прохождении секторального раздела Каспия. Безусловно, и Россия, и Иран будут выступать против его реализации. Кроме того, дно Каспия – это чрезвычайно сложный по рельефу и сейсмоактивный участок, рискованный с точки зрения прокладки газопровода. Несмотря на это, ЕС в последний год активно склоняет Туркменистан к возрождению проекта строительства ТКГ. Пока этот проект не имеет реальных источников финансирования, характеризуется высокими рисками, прежде всего политическими, поэтому его реализация в ближайшей перспективе маловероятна.

Второе. Трубопровод Набукко, по замыслу участников проекта, должен заработать в 2011 г., он ориентирован на поступление трубопроводного газа в Европу в обход России. Газопровод длиной 3300 км планируют построить для доставки среднеазиатского и каспийского газа в Европу. Газопровод должен начаться от турецко-иранской границы и, пройдя через Турцию, Болгарию и Румынию, достичь Австрии. Стоимость проекта оценивается в 5 млрд евро, мощность трубы – 30 млрд м³ газа в год.



Еврокомиссия выделяет 1,5–2 млрд евро за счет средств программы ИНОГЕЙТ на проведение технико-экономического обоснования данного проекта.

Однако гарантировать загрузку трубы консорциуму, который состоит из австрийской *OMV*, венгерской *MOL*, румынской *Transgaz*, болгарской *Bulgargaz* и турецкой *Botas*, пока не удалось. Рассчитывать на газ из Ирана, как это было изначально задумано, по политическим причинам уже не приходится. Азербайджан не обладает необходимыми объемами газа. Единственный возможный источник газа – ЦА, тем не менее, пока никаких решений о строительстве по дну Каспия газопровода из Казахстана в Азербайджан не принято. Азербайджан заявил, что он не видит смысла в присоединении к Набукко, пока не выяснится позиция ключевых поставщиков – Туркмении и Казахстана. Вообще, вопрос с ресурсной базой – ключевой для всех альтернативных проектов поставок из региона. Скорее всего, инвестиционные и ресурсные прогнозы Казахстана, Узбекистана и Туркменистана не будут выполнены в полной мере. Все инвесторы, действующие там, уже столкнулись с производственными трудностями, некоторые – с неудачами в разведке на шельфе. Основной прирост добычи в Казахстане идет за счет попутного газа, который компании предпочитают закачивать в пласт.

Существуют также серьезные сомнения в экономической эффективности проектов. Необходимо учитывать, что основные инвестиции в этот проект должны осуществлять частные компании, поэтому он будет реализован только при условии его коммерческой эффективности.

Третье. Южно-Кавказский трубопровод «Баку–Тбилиси–Эрзурум», протяженностью 690 км, который идет параллельно нефтепроводу Баку–Тбилиси–Джейхан (БТД) большую часть пути. ЮКГ имеет пропускную способность 7–8 млрд м³ в год, пущен в 2007 г. В случае строительства ТКГ этот газопровод может быть расширен для транзита центральноазиатского газа.

Эти три проекта – звенья одной цепочки поставок. И поскольку слабо ее первое звено – ТКГ, слаба вся цепь. ЕС отдает себе отчет, насколько сложны перспективы этих проектов. Этим объясняются и довольно скромные инвестиции Евросоюза в них. Пока все-таки это – декларация, а не реальный план действий. Особенно ярко это видно по сравнению с другими реализующимися в регионе проектами – американскими и китайскими.

Европа, США, Китай, Индия и другие страны предлагают центральноазиатским странам новые маршруты экспорта. Хотя пока эти планы выглядят сложными для осуществления, обилие новых вариантов ведет к усилению роли производителей, которые начинают диктовать свои условия импортерам. Они добиваются инвестиций в разработку запасов, строительства новых трубопроводов и, главное, заметного роста цен и тарифов на транзит газа. Разговоры о новом *Шелковом пути* выгодны в первую очередь странам ЦА.

П. К. БАЕВ (НОРВЕЖСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МИРА): Российская внешняя политика представляется излишне заикленной на обыкновенной торговле нефтью и газом, которую политологи пытаются поднять на уровень *энергетической безопасности*. Уверенность в том, что вся мировая политика вращается вокруг контроля над энергоресурсами, имеет корни более глубокие, чем нынешняя интоксикация сырьевыми сверхдоходами. Мне памятли авторитетные суждения советского Генштаба о том, что главной движущей силой Фолклендского конфликта являлась, вне всякого сомнения, нефть. Взошли новые поколения стратегов, но установка *cherchez la pétrole* лишь выкристаллизовалась в абсолютную истину.

ЦА, где нефтегазовые богатства распределены крайне неравномерно, дает целый набор примеров того, как превратно истолкованные энергетические интересы задают курс на бескомпромиссное противоборство с США. Самый наглядный пример показывает география, с точки зрения которой расхожие представления о стремлении США установить контроль над Каспийскими ресурсами, опираясь на военную силу, не выдерживают первого взгляда на карту. Афганский театр контртеррористических операций

отстоит от Баку, являющегося главным фокусом *большой каспийской игры*, на добрых 1500 км, что означает практическую неосуществимость маневра сил и средств.

С материалами по энергетической безопасности в Центральной Азии Вы также можете ознакомиться в разделе «Проекты – Центральная Азия» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/centralasia>

Другой пример связан с сугубой абстрактностью понятия «энергетические интересы». На деле нефть и газ хотя и являются субстанциями углеводородно близкими, остаются экономически мало взаимозаменяемыми и политически весьма разнородными. Не требует доказательства аксиома, что для России газ – всемогущая голова, но стоит, возможно, напомнить, что для США единственным энергоносителем, имеющим стратегическое значение, остается нефть, тогда как газ важен лишь постольку, поскольку от него могут зависеть некоторые ключевые союзники, в первую очередь по НАТО. Эта асимметрия приоритетов усугубляется тем часто ускользающим от внимания обстоятельством, что каспийская нефть в планах Вашингтона по диверсификации источников снабжения не фигурирует вовсе. Даже *стратегический* нефтепровод БТД, вокруг которого столько лет кипели высокие геополитические страсти, качает нефть исключительно на европейские рынки, да и контролируется консорциумом европейских компаний во главе с *BP*.

Ключевым параметром нефтяных интересов США на самом деле является не контроль и даже не доступ к нефти, а ее цена, которая достигла запредельного плато и угрожает взлететь еще выше, несмотря на надвигающийся и вполне созревший экономический кризис. Снижение цены на нефть до *разумного* уровня в 50 долл. США за баррель способствовало бы смягчению кризисного спазма, но добиться этого можно, лишь создав устойчивое превышение предложения над спросом. Каспийская нефть может стать главным источником этого превышения, который подорвет эффективность квот ОПЕК, и таким образом расширяющиеся поставки нефти из Казахстана в Китай по новому трубопроводу полностью соответствуют интересам США.

С российскими нефтяными интересами на Каспии разобраться сложнее, несмотря на их, казалось бы, самоочевидный характер. Осваивать богатые месторождения в собственном северо-западном секторе шельфа *ЛУКойл* явно не спешит, а *Роснефть* даже не планирует вкладывать средства в гигантский совместный проект, который В.В. Путин и Н.А. Назарбаев с большой помпой презентовали в июле 2005 г. Транзит казахстанской нефти мог бы приносить России неплохой доход, но дело в том, что он приносит одни убытки. Тарифы на прокачку по *частному* нефтепроводу Тенгиз–Новороссийск установлены на уровне ниже операционных расходов, и все попытки *Транснефти* добиться рентабельности упираются в нежелание партнеров повышать стоимость транспортировки принадлежащей им нефти. В этой ситуации *политическое* решение о прокладке второй трубы Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), связанной с вновь заложённым нефтепроводом Бургас–Александрополис, выглядит сугубым расточительством, так как эти инвестиции приведут лишь к росту *негатива*. Уже к концу текущей декады неотвратимый дефицит госбюджета заставит считать деньги всерьез, но даже в нынешние времена немереных трат настойчивое желание удвоить и утроить убыточный транзит вызывает вопрос о подлинных мотивах.

Перспектива оставить без нефти глубоко антипатичный *геополитический* трубопровод БТД, может, и приятно воображению, но все же не настолько, чтобы угрожать на нее немалые сотни миллионов нефтедолларов без всякой надежды их вернуть. Не составляет большого труда выстроить вполне достоверную *конспиративную* версию: снижение мировых цен на нефть, пусть даже плавное, потребует снижения госрасходов и поставит под угрозу стабильность постпутинского режима; если ОПЕК не сможет эффективно урезать квоты, Москве необходимо будет найти способ сократить превышение предложения нефти над спросом. *Внеплановая* авария и длительный ремонт Тенгизской трубы где-нибудь за Волгой могут быть одним элементом решения этой задачи, а серия тер-



рористических атак на Джейханскую трубу – другим. Еще пару лет назад такие *риски* серьезные эксперты смело относили к категории домыслов, но после резонансных нефтяных и газовых войн, новые раунды которых видны невооруженным глазом, их приходится аттестовывать как *весьма вероятные*. Нефтяные интересы США требуют сведения этой вероятности к минимуму, и в этом они полностью совпадают с интересами Азербайджана и частично – Казахстана.

Другое объяснение готовности России нести тяготы убыточного нефтяного транзита связано как раз с меркантильными расчетами Казахстана, который ведет многостороннюю игру, добиваясь от всех заинтересованных сторон максимальных уступок. Для Н.А. Назарбаева не секрет, как отчаянно Россия будет в ближайшей перспективе нуждаться в поставках газа из ЦА для покрытия растущего дефицита своего энергетического баланса. Принимая на себя роль гаранта этих поставок, во всяком случае, в той мере, в какой Москва сумеет их законтрактовать в Туркменистане, он получает взамен дешевый канал для экспорта нефти, а существенно более дорогой маршрут до Джейхана, до тех пор пока Баку не предложит реальный дисконт, остается вспомогательным и резервным. Если интересы США в таком варианте и страдают, то только от задержек в разработке Кашагана, которые Н.А. Назарбаева, играющего в длинную игру, вполне устраивают.

Если российские *жизненно важные* газовые интересы в ЦА переплетаются с помощью Н.А. Назарбаева с куда менее значимыми нефтяными интересами, то у США, строго говоря, газовых интересов нет здесь вовсе. Проект газопровода из Туркменистана до Пакистана через Афганистан, который в принципе мог бы решить проблему энергоснабжения этой зоны бедствия, никогда всерьез не рассматривался, а при нынешней эскалации масштаба этих бедствий и вовсе становится утопией. В Вашингтоне есть группа экспертов, которые, воодушевляясь примером успеха в строительстве нефтепровода БТД, пытаются *раскрутить* до такого же *стратегического* значения проект ТКГ. Их усилиями выделены небольшие гранты на разработку технического обоснования этого проекта, но без конкретных обязательств со стороны Туркменистана, подобных железным гарантиям, выданным в свое время Г.А. Алиевым, дальше этого дело вряд ли продвинется.

Вопрос, по большому счету, заключается не в особой злокозненности американских *ястребов*, которые стремятся лишить Россию доступа к дефицитному газу, а в том, что интересы *Газпрома*, серьезно расходящиеся с интересами страны его базирования, идут вразрез с интересами не только Европы, которая много выиграла бы от закупок каспийского газа без посредников, но и центральноазиатских государств, для которых диверсификация – не роскошь, а средство существования. Любой президент Казахстана или Туркменистана должен добиваться максимальной эффективности экспорта энергоресурсов и сводить к минимуму возможность ценового и, тем более, политического диктата со стороны безальтернативного перекупщика, доверительные отношения с которым не сложились ни у одного из *партнеров* по энергетической квазибезопасности.

Н.В. ПЕРФИЛЬЕВ (ПИР-ЦЕНТР): О возможном политическом и экономическом доминировании Китая в ЦА заговорили чуть ли не с момента распада Советского Союза. Сейчас уже говорят о мощной китайской экспансии. Выход Китая в основные игроки меняет соотношение сил, а усилия китайских компаний по закреплению в нефтегазовом секторе Казахстана, Туркмении и Узбекистана бросают вызов России в центральноазиатском регионе.

Экспансия объяснима. Для устойчивого развития Поднебесной, как и любой стране, необходимы ресурсы. Рост ВВП находится в тесной зависимости от потребления энергоресурсов, поэтому основной стратегической целью китайского правительства является установление прочных внешнеторговых отношений со странами, которые могут обеспечить Китай углеводородами.

Потребление нефти в КНР за последние 40 лет увеличилось более чем в 25 раз и составляет 8,55% мирового. В 2003 г. Китай обеспечил 18% роста мирового спроса

на нефть и стал вторым после США потребителем энергии, обойдя Японию. В 2006 г. потребность Китая в нефти составила почти 7 млн баррелей в день. Собственных ресурсов Китаю не хватает. Если в 1998 г. зависимость Китая составила 23%, в 2003 г. – 37%, то сейчас более половины потребности в нефти покрывается за счет импорта. В 2006 г. Китай импортировал 138,84 млн т нефти. По долгосрочным прогнозам Международного энергетического агентства, в 2030 г. Китай будет потреблять 13,3 млн баррелей ежедневно, из них придется импортировать порядка 10 млн. Таким образом, зависимость возрастет до 74%.

Сейчас более половины китайского импорта нефти приходится на Ближний и Средний Восток: Саудовская Аравия, Оман и Иран. По прогнозам такая зависимость может возрасти до 80% к 2020 г. Судан, Ангола и Венесуэла также поставляют значительный объем нефти. Для того чтобы диверсифицировать источники импорта, китайские национальные нефтяные компании инвестируют в поиск и разработку месторождений в России, ЦА, Индонезии, Африке и Латинской Америке.

Регион ЦА занимает одно из приоритетных мест в китайской энергетической стратегии. КНР очень активна в Казахстане: помимо активной скупки китайскими компаниями нефтегазовых месторождений, самым крупным проектом в нефтяной сфере между двумя странами является нефтепровод Атасу–Алашанькоу, который был запущен в эксплуатацию 25 мая 2006 г. Он впервые связал Китай с зарубежными нефтяными месторождениями. Его протяженность составляет более 960 км. Пропускная способность – 10 млн т нефти в год – это примерно столько же, сколько Россия поставляет в Китай по железной дороге.

При всей значимости проекта как для Китая, так и для Казахстана основной наполнитель нефтепровода – *PetroKazakhstan* – не вышел на достаточный уровень производства. На 2007 г. по нефтепроводу Атасу–Алашанькоу планируется перекачка 5–6 млн т нефти. Однако источник, близкий к китайской *CNPC*, считает, что «в 2007 г. объем поставок по трубе составит около 4 млн т, если к транспортировке нефти активно не подключатся российские компании». Для этого существуют все предпосылки. Сейчас *ТНК-ВР* поставляет в Китай около 1 млн т нефти в год, используя этот нефтепровод. Представители *Транснефти* говорили о том, что до 7 млн т может поступать из России.

Применительно к Туркменистану ключевой вопрос: куда пойдет туркменский газ? И китайская альтернатива здесь довольно реальна. Покойный Туркменбаши и председатель КНР Ху Цзиньтао в апреле 2006 г. в Пекине подписали генеральное соглашение о реализации к 2009 г. проекта газопровода Туркмения–Китай. Согласно договору, Китай будет закупать у Туркмении природный газ в объеме 30 млрд м³ в год в течение 30 лет, начиная с начала эксплуатации газопровода Туркменистан–Китай в 2009 г.

Новое руководство Туркмении не намерено серьезно пересматривать это соглашение, учитывая реальную экономическую выгоду от реализации проекта: газопровод и соответствующая инфраструктура будут строиться за счет китайских партнеров, что и было подтверждено 17 июля 2007 г., когда *CNPC* и государственная компания *Туркменгаз* подписали соглашение о строительстве газопровода через территорию Казахстана, куда также вошло положение о создании совместного предприятия по разработке газовых месторождений в Туркменистане.

В случае успешной реализации китайского проекта и при сохранении существующих темпов роста добычи газа в Туркмении топлива на всех не хватит. А соглашение между Туркменистаном и КНР неявно выражает, что поставка туркменского газа в Китай станет приоритетом для руководства страны.

Для Китая этот газопровод может стать гарантом бесперебойного поступления энергоносителей. Для Туркмении данный трубопровод дает дополнительный козырь на переговорах с *Газпромом*, который в последнее время все больше зависит от поставок газа из Туркмении для выполнения взятых на себя обязательств перед его европейскими партнерами.



Данное соглашение может привести к серьезному столкновению интересов Китая и России в ЦА. *Газпром* для выполнения своих обязательств перед Европой может задействовать политические рычаги для оказания давления на туркменское руководство и защиты своих интересов в жизненно важном для него регионе. И в случае если Китай сделает все для претворения соглашения с Туркменистаном в жизнь, то будущее российско-китайского сотрудничества в регионе может быть подвергнуто серьезным испытаниям.

Сейчас создается новая ситуация, дающая Туркменистану более обширное поле для маневра. Это отражается и в подходе руководства Туркмении к вопросу о заключении контрактов: как правило, речь идет о долгосрочных, но юридически не обязывающих деклараций принципов сотрудничества в сочетании с краткосрочными контрактами с фиксированной ценой, по истечении которых происходят корректировка и заключение нового соглашения. При этом Ашхабад повторяет, что российское направление экспорта туркменского газа было и остается стратегическим, а строительство нового газопровода в Китай никогда не нанесет ущерб сотрудничеству с Москвой.

В таком контексте можно рассматривать заявление президента Туркмении во время встречи с президентами России и Казахстана в Ашхабаде 12 мая 2007 г. о намерении участвовать в строительстве Прикаспийского газопровода и модернизации уже существующих газопроводов. Но соглашение с Москвой пока остается на уровне декларации, к заданному сроку 1 сентября 2007 г. межправительственная комиссия не выработала никаких конкретных решений о реализации проекта строительства Прикаспийского трубопровода.

Тем не менее в российско-китайском взаимодействии можно отметить и положительные моменты. Например, налаживание сотрудничества между российскими и китайскими компаниями на территории Казахстана и Узбекистана: *Роснефть*, *ЛУКОЙЛ* с российской стороны и *CNPC*, *Sinopet* с китайской создают совместные предприятия и инвестируют в разработку нефтегазовых месторождений в этих странах.

В целом, Китай показывает себя достаточно успешным игроком, пользуясь желанием стран ЦА уйти из-под контроля России. Он умеет находить подходы и договариваться с местной элитой, российские же инициативы пока не уходят дальше декларации намерений.

Очевидно, что Россия при всем желании не в состоянии обеспечить контроль над энергетическими ресурсами региона, поэтому следует проводить политику поиска баланса с ключевыми игроками. Если следовать логике российского руководства, то взаимодействие с Китаем кажется более предпочтительным, чем взаимодействие с США. Поэтому России и Китаю предстоит найти механизм согласования интересов в экономической сфере, доказать, что стратегическое партнерство существует не только на декларативном уровне. В этом контексте интересна эволюция повестки дня ШОС и активизация экономического фактора во взаимоотношениях стран-участниц.

Тем не менее при всей перспективности отношения России и Китая в нефтегазовой сфере носят характер *соперничества-сотрудничества*, и то, в какую сторону сдвинется баланс, зависит от гибкости сторон и желания идти на взаимовыгодное сотрудничество. Пока же имеют место обе тенденции.

А.А. МУРСАЛИЕВ (КОММЕРСАНТЪ): На долю стран ЦА, а точнее Каспийского бассейна, приходится порядка 10% мировых запасов нефти и газа. Это не так уж и много. Но в ситуации, когда окружают их страны и регионы, импортирующие от 50 до 70% потребляемых ими энергоресурсов (Китай – 50%, Европа и Индия – по 70%), и доля эта постоянно растет, востребованность этих 10% резко повышается.

Война за каспийские энергоресурсы началась буквально сразу после распада СССР и появления новых независимых стран. Специфика этого региона заключается в том, что он не имеет самостоятельного выхода на мировой рынок. Почти по всему перимет-

ру он окружен тремя странами – Россией, Китаем и Ираном, каждая из которых имеет свои виды на ресурсы этого региона.

Россия, не претендуя, во всяком случае пока, на восстановление империи, тем не менее намерена восстановить и упрочить свое влияние в регионе, став если не владельцем, то как минимум диспетчером потоков энергоносителей на внешний рынок. Китай, испытывающий отчаянную нужду в стабильных поставках нефти и газа, хотел бы *пристроить* Прикаспий к себе в качестве надежного резервного бензобака. Иран, для которого эти страны – прежде всего конкуренты, стремится не допустить их на те рынки, на которые он сам имеет виды. Кроме того, не следует забывать, что все три эти державы весьма амбициозны, не склонны мириться с существующим положением и рассматривают этот регион (или значительную его часть) как свои утраченные исторические территории.

Именно эти страны являются основными игроками на центральноазиатской арене, пытающимися оспорить претензии на ресурсы региона со стороны Запада – США и Европы. Несколько особняком стоит Индия, также имеющая здесь интересы, но пока не наладившая самостоятельной игры. Она, скорее, выполняет вспомогательную роль, призывая то к одному лагерю, то к другому.

Между тремя крупными геополитическими плитами, то есть Россией, Китаем и Ираном, есть всего два зазора, две калитки – Кавказ и Афганистан. И неслучайно, что первые же проекты альтернативных коммуникаций, связывающих ЦА и внешний мир, должны были пройти через эти узкие коридоры. Так же как вряд ли случайно, что именно вдоль этих коридоров и возникли очаги напряжения – межэтнические конфликты, сепаратистские выступления, гражданские войны и перевороты.

Коммуникационная война в этом регионе прошла через несколько этапов. Первый – *брутальный* начался буквально сразу после распада СССР. В начале 1990-х гг. новые независимые страны, оказавшиеся в состоянии экономического коллапса, отчаянно нуждающиеся в валюте, предприняли первые попытки в этом направлении.

Туркмения вела переговоры в конце января 1992 г. с *Газпромом* о выходе на внешние рынки, но получила грубый отказ. Последовала *первая газовая война* с Украиной, и через две недели самая слабая республика СССР праздновала победу над второй по мощи. Но тогда победителем на самом деле оказался *Газпром*. Борьба все еще продолжается.

К этому же периоду относятся и первые крупные нефтяные контракты – *Шеврон* на Тенгизе и консорциум во главе с *BP* в Баку. Но у *Шеврона* с Казахстаном тут же появились проблемы с прокачкой нефти – более-менее завершившиеся после строительства КТК (впрочем, и с КТК все еще не так просто). Азербайджанскому консорциуму пришлось сложнее. На этом маршруте произошло пять политических переворотов (один в Азербайджане, по два в Грузии и Армении), несколько неудачных попыток, шесть или семь военных конфликтов, в большинстве своем не завершившихся до сих пор. Однако узкий участок от каспийских месторождений до черноморских и средиземноморских портов оказался свободным и защищенным, и по нему проложен первый независимый от *Транснефти* трубопровод от месторождения до порта. Теперь параллельно прокладывается газопровод.

Афганскому коридору не повезло. В середине 1990-х гг. появился проект трансафганского трубопровода. Но военные успехи талибов разрушили эту идею.

Второй этап – *война трубопроводов*. Российские контракты в ЦА скупили всю ресурсную базу для Набукко (из 80 млрд м³ туркменского газа 50 предназначено России, 30 – Китаю).

В ответ продвигается идея ТКГ. Ситуация напоминает начало-середину 1990-х гг: снова обострение на Кавказе. Но есть существенная разница: с одной стороны, режимы



в этих странах более стабильны и более устойчивы, с другой, после 11 сентября усилено присутствие Запада (США) в регионе.

Также следует отметить запредельную цену на энергоносители. Одно неосторожное движение, и цена на нефть легко проскочит планку в 100 долл. и помчится дальше. Расхлебывать придется всем. И потому стороны пытаются играть на обострение, провоцируя друг друга на необдуманный шаг.

Россия пытается заткнуть кавказский коридор грузинской пробкой, и тогда все проекты захлебнутся, а Западу придется вместо коридора пытаться пробивать ворота – Иран. Последствия военной операции в Персидском заливе для мировой энергетики очевидны и многократно описаны.

Запад, в свою очередь, пытается столкнуть в ЦА лбами Россию и Китай, направив активность последнего в ЦА и Сибирь. Не последнюю роль здесь играет *оранжевый бунт* в Мьянме – стратегическом энергокоридоре для Китая. Иран же, понимая цену вопроса для всех игроков, идет ва-банк.

А тем временем все лихорадочно обсуждают и разрабатывают крупные трансконтинентальные коммуникационные проекты – Набукко, Одесса–Броды–Гданьск, СЕГ, Голубой поток и т.д., и т.п. Потому что, когда все закончится, все равно откуда-то и куда-то придется прокачивать нефть и газ. И выиграет тот, у кого будет готовая инфраструктура.

Д.А. АХУНДОВ (ПОСОЛЬСТВО АЗЕРБАЙДЖАНА В РФ): Спасибо за интересные и содержательные доклады, но хотелось бы высказать и несколько замечаний.

Выступление г-жи Т.А. Митровой навеяло на меня воспоминания о конце 1990-х гг. по поводу строительства нефтепровода БТД. Тогда говорили: ничего не будет построено, экономически нерентабелен, с экологической точки зрения вреден и т.д. Будучи в Москве на одном из *круглых столов*, один из докладчиков сказал эмоционально: «Как вы думаете, Баку–Джейхан придушить или он сам умрет?» Я там выступил и сказал, что не для того строится, чтобы могли придушить. Сейчас мы слышим то же самое: ТКГ нерентабелен, с экономической точки зрения не выгоден и т.п.

Я бы хотел продекларировать официальную позицию Азербайджана. Первое, мы проводим многовекторную политику, и наше руководство об этом неоднократно заявляло. В отношении ТКГ позиция достаточно специфичная: есть продавец, есть покупатель. Если продавец захочет продать, а покупатель захочет купить, то тогда Азербайджан любезно предоставит свою инфраструктуру под этот проект. Больше мы ничего не можем дать.

Второе, расстояние между газовой инфраструктурой Азербайджана и газовой инфраструктурой Туркменистана всего 60 км. Это заявление президента нашей нефтяной компании. Я не думаю, что сейчас мы можем говорить о какой-то рентабельности или нерентабельности. Вопрос здесь шире: этот газопровод задействован на Набукко. А Набукко в большей мере связан с Ираном. То, в какой мере позиция Запада будет определена в отношении Ирана, станет определяющим фактором в этих проектах. Это очень важный вопрос, который стоит анализировать. Ситуация вокруг Ирана архисложная, ситуация внутри Ирана тоже непонятная. Мы крайне заинтересованы в том, чтобы эти вопросы решались мирным путем, ибо на севере Ирана проживает 25 млн этнических азербайджанцев, да и не только азербайджанцев, у нас многосоткилометровая граница, и конфликт станет гуманитарной катастрофой.

Хотел бы отметить выступление президента Туркмении Г.М. Бердымухаммедова на Генассамблее ООН, о котором здесь никто не упомянул. Но когда с высокой трибуны президент говорит о готовности к большей открытости и выходу из изоляции, это наводит на определенные мысли, побуждает к определенному анализу.

По вопросу о ценах на нефть г-н Мурсалиев сказал, что цена запредельная. Я к этому вопросу отношусь со скептицизмом, потому что если мы проанализируем цены на нефть в 1970-х гг. и соотнесем с настоящим временем, то мы увидим, что цены тогда были даже более высокими, чем сейчас.

О.В. ПИЛИПЕЦ (ТРАНСНЕФТЬ): Я представитель легендарной компании. Легендарной потому, что вокруг нее очень много легенд, часть из которых не имеют реальных оснований, поэтому хотелось бы сделать несколько комментариев в качестве сугубо личного мнения.

Я согласен с г-ном Баевым, что напряжение между Соединенными Штатами и Советским Союзом, а теперь Россией наносит непоправимый ущерб как национальным интересам Америки, так и национальным интересам России. К сожалению, стереотипы довлеют очень сильно. И у нас, и у них есть люди, которые сделали себе капитал в США на антисоветизме, а сейчас, не зная российской специфики, проецируют свой антисоветский опыт.

Проблемы очень серьезные. Я с вами полностью согласен, что мы в одной лодке, что Америке и России, обладающим колоссальным опытом в вопросах энергетики, нужно следить за порядком в этой лодке. А сначала надо достичь максимального взаимопонимания. Момент уже уходит.

Я не могу согласиться, что Соединенные Штаты придали нефти первостепенное значение, а газ оставили на втором плане. У меня впечатление, что США сделали ставку на газ и в результате этого оказались в очень проблемной ситуации. Если сравнивать нефтяной бизнес и газовый бизнес, то нефтяной – дешевле. Нефтяное дело – проложили трубу и можете поставлять на международный рынок. Газ – нет. Если поставлять сетевой газ, то надо создавать тысячи километров труб. Если переходите на сжиженный газ, то это еще сложнее. Надо сжать газ, иметь колоссальный дорогостоящий танкерный флот, потом иметь систему для разжижения. Поскольку американцев очень беспокоило, что они теряли положение на нефтяном рынке, они сделали ставку на газ. Они убедили своих западноевропейских союзников: давайте перейдем на сжиженный газ и не позволим продавцу диктовать нам цены. Но здесь оказалась другая проблема. Основные источники газа: Россия, Иран и Катар. С Россией один уровень отношений, с Ираном это и отношениями трудно назвать, Катар в этой обстановке несколько сбавил темпы развития сотрудничества. Сейчас у меня складывается впечатление, что американский бизнес начинает спрашивать с Буша, почему газ оказался вне сферы их контроля.

Я согласен в отношении наличия американских интересов в этом регионе. Да, у них есть интересы, они специально сказали, что Каспий в зоне их интересов. Пусть говорят. Но и мы можем так сказать. Незачем поднимать по этому поводу крик: сказали и сказали. Нужно спокойно развивать сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами.

Также хотелось прояснить несколько мифов о *Транснефти*. Компания создавалась в рамках Советского Союза. Она обслуживала советскую экономику. В 1991 г. оказалось, что часть клиентуры отпала. Остались звенья трубопроводной системы Советского Союза, которые оказались на территории независимых государств. Это система трубопроводов и в Литве, и в Латвии, и в Белоруссии, и в Украине, и в Азербайджане, и в Казахстане, и маленькая часть в Туркмении. Ситуация, которая была в эти годы, показала, что эти страны оказались в очень тяжелом экономическом положении. Оказались пустые трубы. Для интересов российской экономики это не было жизненно важным. То, что касалось российской экономики, мы обеспечивали необходимый уровень прокачки, за исключением дефицита экспортных возможностей. А почему? Потому что в советское время так вопрос не стоял. Но для новых независимых государств основной вопрос был: как можно быстрее свою нефть поставить на международный рынок? Что важно, специалисты сохранили здравый смысл. Технологически мы работали и работаем до сих пор вместе. Хотя в разных странах это собственность разная, но технологичес-



кая основа одна. Мы работаем, у нас единый центр, друг с другом все согласовывается, имеется диспетчерская служба. Механизм взаимосвязан, как кровеносная система.

Что касается БТД, то действительно, по трубе Баку–Тихорецкая в один период советского времени нефть качали из Баку в сторону Грозного, потом, когда месторождения ушли на большую глубину и стало выгодно добывать в Сибири, стали гнать в Баку. После распада СССР труба оказалась пустой. В конце 1990-х гг. наши специалисты предложили на время, пока строится Баку–Джейхан, сделать реверс и пустить нефть на Новороссийск: и вам хорошо, и нам хорошо. Не знаю почему, но начались крики против строительства БТД: а зачем вы строите? Да это не надо. В эту дискуссию оказались вовлечены представители *Транснефти*, которые в пылу азарта на всех семинарах стали критиковать БТД. Это продолжалось несколько лет. Кончилось тем, что сказали: а какое наше дело, что они будут строить Баку–Джейхан? В итоге на протяжении многих лет сама *Транснефть* ни на каких мероприятиях его не критикует.

В отношении китайских мифов. Идея строительства трубопровода от Ангарска до Тихого океана родилась в советские времена. Готовили проект, но был выбор, что строить: БАМ или трубу. Благодаря настойчивости специалистов Министерства обороны, которые доказали, что БАМ нужен, выбрали железную дорогу. Потом с компанией *Транснефть* связался ЮКОС с предложением о поставках нефти в Китай. Предполагали построить трубу из Ангарска в Улан-Батор, а из Улан-Батора в Пекин. Но китайцы отказались строить через Монголию, чтобы избежать транзитных проблем. Они требовали, чтобы трубопровод обошел с юга Байкал и вышел на Забайкальск. Но возникли другие проблемы: обрывистый берег Байкала, на юг не отойти, там Монголия, экологические проблемы. Единственная возможность – обойти Байкал с севера. А дальше, раз доходим до половины пути между Ангарском и побережьем Тихого океана, какой смысл выходить только на китайский рынок, ведь это монопольный покупатель? И тогда мы предложили правительству проработать проект строительства от Ангарска до побережья Тихого океана. И государство заказало нам этот проект. Мы предполагали пустить его вдоль БАМа, чтобы использовать эту инфраструктуру. Но на севере БАМ проходит очень близко от Байкала. Начался шум. Тогда В.В. Путин сказал, что поскольку выше впереди находится Верхнечонское месторождение, то трубу нужно поднять на 400 км в сторону Верхнечонской системы, тем самым сокращается подход до магистрального нефтепровода, а потом уходите на Сковородино. Мы половину уже построили. Планируем в 2008 г. закончить эту трубу. Если Китай заключит соглашения с соответствующими российскими компаниями, то мы эту нефть им поставим. И дальше начинается вторая очередь от Сковородино до Тихого океана. Мы одновременно на Тихом океане строим нефтяной терминал на 50 млн т.

А.В. МУХИН (СТАТОЙЛ ГИДРО): Энергетическая политика России ориентируется на то, что Россия является нетто-экспортером энергоресурсов. В этом смысле мы всегда традиционно ориентировались на европейский рынок. Это европейский рынок газа, к которому мы были привязаны всей системой магистральных трубопроводов. Конечно, игнорировать диалог на энергетическом рынке Европы нельзя.

ЦА, по мысли *Газпрома*, могла выступать хорошей дешевой альтернативой другим источникам газа. Когда мы проводили расчеты у нас в компании, при цене поставок газа 40 долл. за 1 тыс. м³ ЦА была очень хорошей альтернативой. Когда цена перевалила за 100 долл., то это сомнительная альтернатива.

Роль ЦА и Каспийского региона тем не менее значительна. Со стороны наших европейских потребителей важны поставки из этого региона не только потому, что это альтернатива российским поставкам по политическим причинам, а в том числе и потому, что нет уверенности, что Россия способна в долгосрочной перспективе выполнить свои обязательства по поставке энергоресурсов с точки зрения ресурсной базы, с точки зрения объемов добычи, с точки зрения транспортной инфраструктуры.

Что касается восточных проектов, то для России в случае, если возникнут проблемы на европейском рынке, они представляют альтернативу.

А.Н. СИНЕВ (NAC INTERNATIONAL): В ходе дискуссии прозвучал вопрос: а надо ли рубить сук, на котором сидишь? Россия настолько энергозависимая страна, что беспредельно качать нефть и газ не получится. А чем длиннее трубопровод, чем больше его диаметр, тем раньше наши запасы иссякнут.

По многим исчислениям, Россия не должна существовать за Полярным кругом, а мы там развиваем энергетику. При таких накопленных стабилизационных финансовых ресурсах, может быть, просто попридержать нефтегазовые запасы?

П.К. БАЕВ: Заострю внимание на центральном вопросе. Последние 15 лет дискуссия идет о том, хватит ли ресурсов. Не иссякнет ли нефть, достаточно ли газа? Как ни считай эти ресурсы, то получается достаточно, в общем там, в земле, предостаточно всего этого. Проблема в том, что в течение 15 лет накопилось колоссальное недовложение в разработку этих ресурсов. Вы говорите, стоит ли горячиться? Мы настолько не горячились, настолько недовложили, не только мы в России, в Туркменистане, в Иране; произошло разрушение энергетического комплекса в Ираке. Этот накопившийся дефицит создает колоссальную проблему энергетической безопасности. Проблема возникнет не потому, что ресурс иссякнет, а потому, что мы в него недовложились.

Г.М. ЕВСТАФЬЕВ: Здесь много говорили об Афганистане. Но, помилуйте, разве можно, как некоторые, выдвигать концепцию *Большой Центральной Азии*, в которую не включают Иран, но включают Афганистан, который должен стать центром Большой ЦА, поскольку якобы Афганистан достиг наибольших результатов в демократизации страны.


Россия в ряде случаев отстала от тех тенденций, которые развивались в энергетической сфере. Может быть, потому что она была немножко самоуверенна. Тем не менее мы сейчас имеем достаточно интересную ситуацию, когда прекратилась монополия России на транспортировку углеводородного сырья из ЦА. Не надо никого винить. Хотя я не согласен с теми, кто здесь говорил, что у Соединенных Штатов нет интереса в ЦА. Надо прочитать работы американских политологов о роли региона, в том числе военно-политические планы. Вы увидите, люди занимаются ЦА не только, может быть, не столько с точки зрения нефти, которая им не нужна. Им нужны цены на эти ресурсы, им нужны пункты, с которых можно проецировать свою политическую и военную силу в различные регионы мира, в том числе и здесь.

Мы должны где-то согласиться с тем, что наша монополия на доступ к ресурсам ЦА и Каспия закончилась. Не нужно за нее биться. Надо найти *гармонизацию интересов и с интересами будущих элит, которые придут к власти в этом регионе*.

Соединенные Штаты вряд ли смирятся с ролью второстепенного игрока в энергетической сфере на этом пространстве. Они попробуют изменить ситуацию. Нам нужно понять, каким образом они сумеют вклиниться в эту ситуацию. На что они будут делать ставку. Можно ли с ними тоже договориться. Опыт Каспия показывает, Россия выдвинула план CASFOR, план обеспечения безопасности в Каспии. И параллельно Соединенные Штаты, не заявляя о том, что они собираются с нами сотрудничать, выдвигают концепцию *Caspian Guard*, причем узкую концепцию. Они готовы сотрудничать только с Азербайджаном и Казахстаном. Но это же нельзя. Зачем? Почему? Какой смысл? Присоединяйтесь. Нет, они не играют руководящей роли, и все остальное их не устраивает. Здесь они не будут определять направление потоков, направление движения финансовых ресурсов. Видимо, это их не устраивает. У Китая в регионе – своя энергетическая политика. И она строится на долгосрочной основе. В этом всем комплексе есть еще Казахстан, который хочет сыграть крупную роль, как страна-лидер ЦА.

Я задал четыре вопроса. К сожалению, я не получил достаточных ответов. В лодке-то мы в лодке, а гребем ли мы вместе? Можем ли мы найти *modus operandi*? А проблема-то крайне взрывоопасная. Непонимание образа действия партнеров приводит к большим проблемам. О.В. Пилипец нам какие-то моменты показал. Когда мы не вникаем в историю и не понимаем, почему, и говорим: давай, только сегодня. Наши западные



друзья только это и делают. А ведь есть предыстория, с которой надо считаться, надо учитывать. Я за то, чтобы мы с американцами тоже находили определенное взаимодействие; когда его нет, это вредит всему прогрессивному человечеству. Нам на все это нужны ответы. Их пока нет. 

Примечания

¹ ПИР-Центр выражает признательность посольству Швейцарской Конфедерации в РФ и МИД Швейцарии за поддержку организации и проведения данного *круглого стола* и публикации материалов по его итогам.

² В заседании *круглого стола* также приняли участие: президент ПИР-Центра В.А. Орлов; Чрезвычайный и Полномочный Посол Швейцарии в России Эрвин Хофер; директор Московского центра Карнеги Роуз Геттемюллер; советник-посланник посольства Азербайджана в Москве Д.А. Ахундов; исполнительный директор Всероссийского азербайджанского конгресса Э.Г. Кулиев; старший экономический советник московского представительства *СтатойлГидро* А.В. Мухин; советник президента компании *Транснефть* по международным связям и развитию О.В. Пилипец; директор московского представительства *NAC International* А.Н. Синев, президент компании *Нефтьгазремстрой* С.К. Садыков; советник аппарата Комитета Совета Федерации по международным делам М.Л. Токарев. Кроме того, в дискуссии приняли участие представители МГИМО (У) МИД РФ, Центра международной безопасности и Центра Североамериканских исследований ИМЭМО РАН, Российского института стратегических исследований, Института проблем нефти и газа РАН, ОАО *Русский Алюминий*, *ТНК-ВР*, Высшей школы экономики, посольств Венгрии, Польши, Узбекистана и Швейцарии и др.